

УДК 94(450) "5"
ББК 63.3(4Ита)4-283.2

В. М. Тюленев

К ВОПРОСУ О БИБЛИОТЕКЕ ВИВАРИЯ

В статье рассматривается одна из первых, предпринятых на позднеантичном Западе попыток создания монастырской библиотеки, в Виварии Кассиодора. Библиотека Вивария показана в статье как основа теологической школы, которую попытался организовать Кассиодор в VI в. в Италии. В статье освещаются следующие вопросы: источники для книжного собрания библиотеки, мероприятия по пополнению ее фондов, наличие в монастырской библиотеке книг языческих авторов, а также сочинений еретиков, использование греческих рукописей, принципы работы с книгами, в том числе копирование, исправление текстов, создание новых толкований библейских книг.

Ключевые слова: Кассиодор, Виварий, монастырь, монастырская библиотека, римская школа.

V. M. Tyulenev

ON THE QUESTION OF VIVARIUM'S LIBRARY

The article considers one of the first Late Antiquity attempts to create a monastic library — in Vivarium of Cassiodorus. The library of Vivarium is shown as the base of the theological school Cassiodorus tried to create in Italy, in the sixth century. The following issues are studied in the article: the sources of the library book collection, measures to supplement its funds, availability of the books of pagan authors and heretics in the monastic library. Besides, such issues as the use of Greek manuscripts, principles of copying and correction of texts, creation of new Bible books exegeses are taken into consideration.

Key words: Cassiodorus, Vivarium, Monastery, Monastic Library, Roman School.

История христианских монастырей позднеантичного Запады обречена оставаться в значительной степени сокрытой от исследовательского взора, виной чему — и скудность источников, и отрывочность информации, передаваемой ими. В результате, мы обладаем весьма приблизительными знаниями даже о том, какие именно монастырские центры существовали в Западной Европе в V—VI вв., хотя и не вызывает сомнения, что практики аскетической жизни, пришедшие с Востока, вызвали немалый энтузиазм у христиан латинского Запады, что привело к появлению в Галлии, Испании, Италии как анахоретов, так и монашеских братий. Известно, что целый ряд прославленных в дальнейшем служителей Божиих, побывав в Сирии, Палестине и Египте и познакомившись там с жизнью киновитов и анахоретов, переносили этот опыт к себе на родину. В частности, благодаря этому начали свою жизнь масиллийские монастыри, заложенные Иоанном Кассианом. Но энтузиастами монашеской жизни становились и такие люди, как Мартин Турский, не покидавший после обращения в христианство Галлию и основавший обители в Мармутье и близ Тура, или такие, как основатель знаменитого Леринского

монастыря Гонорат Арелатский, когда-то вынужденный прервать свое паломничество на Восток, достигнув лишь Ахайи.

Зная об этих монастырях и о славе, заслуженной ими, мы тем не менее остаемся в неведении целого ряда особенностей их жизни. Не в последнюю очередь интерес вызывает вопрос о зримом присутствии в позднеантичном монастыре следов книжной культуры. Вопрос о книгах и библиотеках в монастырях того времени важен не только в связи с тем, что само христианство не мыслимо без Писания, без слова и книги, но и по той причине, что именно в период V — начала VI в. свой выбор в пользу ухода от мира делает немалое число представителей аристократических фамилий, традиционно выступавших носителями книжного знания и образования. Сколь бы решителен не был этот переход от мира к монашескому смирению, связи насельников монастыря с взрастившей их культурой не могли исчезнуть полностью. Наконец, поскольку необходимой частью средневекового монастыря выступают библиотека и скрипторий, то представляется важным обращение к первым опытам собирания книг в монастырях уже в эпоху поздней Античности и к методам работы с ними.

К счастью для нас история сохранила, по меньшей мере, один ярких образец монастыря середины VI в., в отношении библиотечного собрания которого у нас есть более или менее твердые знания. Речь идет о Виварии, основанном Магном Флавием Кассиодором примерно в 554 г. в Южной Италии [2, с. 114—124; 3, с. 124—132; 7, р. 177—211; 9, р. 34—39]. Сразу необходимо оговориться, что детище Кассиодора представляет нам опыт уникальный, который вряд ли может служить основанием для наших представлений не просто о монастырях того времени, но даже относительно немногих монастырских центров, где интеллектуальный труд оставался весьма значимым. Ведь известно, что задолго до Вивария работа с книгой велась в монастыре, основанном Мартином Турским. Как сообщает Сульпиций Север, монахи в этом монастыре не занимались никаким ремеслом, кроме переписывания книг (*ars ibi exceptis scriptoribus nulla habebatur*; Sulp. Sev. Vita Martini 10, 6). Также Цезарий Арелатский, основав в Арелате женскую обитель, вменил в обязанность сестрам переписывать книги: «...среди псалмов, постов, бдений и чтения девы Христовы также изящно переписывали божественные книги» (*inter psalmos atque ieiunia, vigiliis quoque et lectiones libros divinos pulchre scriptitent virgines Christi*; Vita Caes. I, 58). И тем не менее, несмотря на уникальность Вивария, даже знакомство с этим единичным случаем дает возможность расширить наши представления о церковной жизни в период становления средневекового мира на Западе.

Исключительность монастыря, основанного Кассиодором, состоит именно в том, что обитель должна была стать воплощением нереализованного и возникшего у Кассиодора еще в годы его государственной службы при дворе остготских королей замысла создать в Италии богословское учебное заведение, сравнимое со школами Александрии и Нисибии (*Cass. Inst. praef. 1*). Лихолетья войны между готами и Византией не позволили реализовать этот замысел, однако основание Вивария вполне можно расценивать как шаг в данном направлении. Важнейшей частью этого монастыря стала богатая библиотека, о фондах которой мы можем судить прежде всего по составленным Кассиодором для насельников этого монастыря «Наставлениям в науках божественных и светских». Это произведение, состоящее из двух неравных по объему частей, содержит в себе, по всей видимости, довольно полный перечень книг,

хранившихся в Виварии, и, что, пожалуй, самое важное, отражает те принципы работы с книгой, которым должны следовать монахи.

Естественно, ответить на все вопросы, касающиеся комплектования и функционирования этой библиотеки, на основе «Наставлений» невозможно. Все-таки это — дидактическое произведение, а не каталог библиотеки; к тому же, как мы увидим, Кассиодор надеялся обнаружить и передать библиотеке недостающие там книги, о пользе которых он знал. К тому же жизнь библиотеки была сопряжена с работой скриптория, а сами монахи, по замыслу Кассиодора, должны были выполнять не только «техническую» работу по переписыванию книг, но и самостоятельно комментировать Писание, поэтому фонд библиотеки мог постоянно расширяться. Также мы не знаем, каковы были принципы функционирования библиотеки: кто отвечал за хранение книг, как они выдавались, могли ли они передаваться за пределы монастыря, сколько было ящиков-шкафов с книгами. Кассиодор упоминает только особый шкаф (*armarium*) с греческими кодексами и не называет другие (*Cass. Inst. I, 8, 15*). Можно предположить, что в библиотеке хранились книги, которые цитирует в своих произведениях Кассиодор, но не вспоминает о них в «Наставлениях». Например, он прекрасно знал сочинения Вергилия, Теренция, Овидия, но не говорит о них в своем обращении к монахам, хотя и не отказывает им в знакомстве с другими классическими трудами римской словесности [9, р. 59].

Однако прежде чем говорить о самом книжном собрании, представляется важным коснуться вопроса о происхождении самой библиотеки Вивария. Исследователь творчества Кассиодора и его биограф Джеймс О'Доннелл предположил, что фундаментом библиотеки для римской богословской школы, о создании которой когда-то мечтал и сам Кассиодор, и папа Агапит, могла послужить книжная коллекция самого Агапита, но вряд ли она пережила готско-византийскую войну, но, даже если какие-то книги были спасены, вряд ли именно они составили основу библиотеки Вивария [7, р. 184]. Действительно, во второй книге своих «Наставлений» Кассиодор, где он дает советы по изучению музыки, упоминает латинский компендиум Альбина, сделанный на основе греческих сочинений Апулия, Эвклида, Птолемея по музыке, и пишет, что этот труд хранился в Римской библиотеке, но, возможно, теперь утрачен (*Cass. Inst. II, 5, 10*). Также не ясно, что случилось с библиотекой самого Кассиодора, которая была у него в Равенне, где он служил сначала Теодориху Великому, а затем его преемникам. Некоторые исследователи не отрицают возможной преемственности между равеннской библиотекой Кассиодора и книгами Вивария [8, р. 134]. Можно предположить, что, коль скоро монастырь был основан в родовом имении Кассиодора, то в распоряжении монахов оказались прежде всего книги из его виллы.

Зато из текста «Наставлений» ясно, что Кассиодором велась целенаправленная работа по поиску и собиранию книг для монастырской библиотеки. Во-первых, нужно напомнить, что, уйдя в отставку, Кассиодор отправился в Константинополь, откуда возвратился в Италию примерно в 554 г., привезя с собой полный сундук, или два, рукописей [7, р. 193]. Кроме того, отдавая себе отчет в том, что культурная обстановка в Италии претерпела серьезные изменения, следствием чего стало слабое знание греческого языка даже у представителей образованного круга, Кассиодор позаботился о переводе многих текстов на латинский язык. Так, например, по его просьбе «ученейший муж Муциан» перевел на латинский язык 34 проповеди Иоанна

Златоуста, составленные на «Послание евреям» (*Cass. Inst. I, 8, 3*). Другой знакомый Кассиодора пресвитер Беллатор перевел с греческого гомилии Оригена на книгу Ездры (*Cass. Inst. I, 6, 6*). Самым же активным переводчиком с греческого языка в окружении Кассиодора был, по всей видимости, Епифаний, который перевел не только не дошедшие до наших дней «Толкования на Притчи Соломоновы» Дидима Слепца (*Cass. Inst. I, 5, 2*) и его же толкования на семь апостольских посланий (*Cass. Inst. I, 8, 6*), но и «Церковные истории» Сократа, Созомена и Евагрия (*Cass. Inst. I, 17, 1*). Именно этот перевод послужил основой для написания Кассиодором знаменитой «Трехчастной истории», ставшей важнейшим церковно-историческим трудом для раннесредневековых монастырей Запада [1, с. 61].

Во-вторых, как уже говорилось, какие-то книги, из числа когда-то прочитанных им или просто ему известных, Кассиодор продолжал искать, уже вернувшись в Италию. Так, он признается, что слышал, будто Иероним Стридонский сделал толкование на «Книгу пророка Иеремии» в 20 книгах, но из них ему удалось отыскать лишь 6, в связи с чем он пишет: «остальные же мы все еще продолжаем с Господней помощью искать» (*Cass. Inst. I, 3, 3*). То же касалось и толкований Амвросия Медиоланского на послания ап. Павла, которые Кассиодор не смог найти, но, по его собственному признанию, продолжал усердно искать (*Cass. Inst. I, 8, 10*). Более того, собранная Кассиодором библиотека, по замыслу ее зачинателя, должна была и далее обогащаться книгами не только благодаря труду переписчиков, о чем мы еще скажем ниже, но и поиску книг самими насельниками обители. Кассиодор, касаясь толкований на книги пророков, признается, что, хотя ему известно о составленных Амвросием Медиоланским толкованиях на книги пророков, тем не менее он не смог их найти, а потому обращается к братии: «Я оставляю вам с великой ревностью искать их, чтобы преумноженное толкование сведущих [мужей] подарило вам богатое знание и счастливое спасение души» (*Cass. Inst. I, 3, 6*). В другом месте, вспомнив о трудах Велия Лонга, Курция Валериана, Папириана, Адамантия Мартирия по орфографии, которые могли бы помочь в работе с рукописями, он выражает надежду, что братьям удастся найти и другие книги, посредством которых может возрасти их знание в этом искусстве (*Cass. Inst. I, 30, 2*).

Обращаясь к самому книжному собранию Вивария, следует, конечно же, упомянуть в первую очередь тексты Священного Писания. Писание в библиотеке Вивария, естественно, было представлено в латинском переводе Иеронима Стридонского (*Cass. Inst. I, 21, 1*). По всей видимости, к середине VI в. авторитет Вульгаты на Западе был уже непоколебимым. Вряд ли в распорядении монахов Вивария были иные латинские переводы библейских книг. По крайней мере, Кассиодор даже не намекает на существование иных латинских версий Библии. Кроме латинского перевода Писания монастырь, безусловно, имел греческий перевод Ветхого Завета (Септуагинту) и книги Нового Завета. Необходимость греческого текста в таком монастыре, как Виварий, вполне сознавалась Кассиодором, который, ссылаясь на совет Августина, пишет, что «латинские кодексы Ветхого и Нового Завета при необходимости нужно исправлять, следуя авторитету греческих [кодексов]» (*Cass. Inst. I, 14, 4*). Для того, чтобы можно было прочитать Писание целиком, последовательно книгу за книгой, Кассиодор подготовил краткую версию латинской Библии, пандект, состоящий из 53 тетрадей по 6 листов каждая, то есть это был кодекс из 636 страниц с очень плотным текстом (*Cass.*

Inst. I, 12, 3). Также в библиотеке хранился пандект греческой Библии (*Cass. Inst. I, 14, 4*).

Более сложным является вопрос о наличии в библиотечном собрании Вивария еврейской Библии. Прямо об этом Кассиодор не пишет, однако в главе, где он дает советы переписчикам, он не только указывает на необходимость в сложных ситуациях справляться с греческим текстом, но и призывает «не отвергать еврейское Писание и его учителей, ибо подобает, чтобы откуда пришел к нам спасительный перевод, оттуда же пришло и верное исправление» (*Cass. Inst. I, 15, 11*). Эта фраза, оставленная Кассиодором, позволяет сделать довольно смелые предположение. Вполне возможно, что в Виварии пребывали люди, не только знавшие греческий язык (хотя бы они и не составляли большинства), но и способные читать еврейские книги. Впрочем, если из текста «Наставлений» становится очевидным, что библиотека Вивария имела целую подборку греческих книг, которые хранились в «восьмом шкафу» (*in octavo armario, ubi sunt Graeci codices congregati; Cass. Inst. I, 8, 15*), то наличие книг на еврейском языке в библиотеке было не очевидным.

Самым грандиозным замыслом Кассиодора в рамках создания библиотеки было, судя по всему, издание Священного Писания с подборкой комментариев к каждому изданному кодексу. Он составил для Вивария гигантское издание всего Писания, разбив его на девять томов, где текст Вульгаты сопровождался отсылками к толкованиям на каждую из выделенных частей. Сначала (в первом томе) шел текст по Вульгате «Восьмикнижия», далее текст «Книг Царств», «Пророков», «Псалтири», «Книг Соломона», «Агиографов», Евангелий, Посланий апостолов, наконец, шли вместе тексты «Деяний апостолов» и «Апокалипсиса». Каждый кодекс помимо латинского Писания содержал перечень святоотеческих произведений с толкованиями к книгам, вошедшим в том. Список рекомендуемых толкований показывает, как широту, так и своеобразие познаний Кассиодора об опыте истолкования тех или иных Книг Ветхого и Нового Заветов. Так, издавая книгу «Бытие», Кассиодор предлагал читателю более углубленное знакомство с ней через такие разные сочинения, как «Беседы на Шестоднев» Василия Великого и полемическое сочинение Августина против манихеев, «Шестоднев» Амвросия и «Против ниспровергателя Закона и Пророков» Августина (*Cass. Inst. I, 1, 1–4*). Также в список толкований на «Бытие» попадает и «Исповедь» Августина. Кассиодор поясняет при этом: «В последних трех томах своей *Исповеди* Августин также рассуждал, предлагая истолкование, о *Бытии*, признавая величие вопроса, который столько раз он, вновь и вновь обращаясь к нему, разбирал» (*Cass. Inst. I, 1, 4*). Кроме трудов Василия Великого, Амвросия Медиоланского и Аврелия Августина упоминаются сочинения Иеронима Стридонского, Проспера Аквитанского, Оригена Александрийского, Беллатора.

Дальнейшее издание Священного Писания строится по тому же принципу. В томе, включающем Псалтирь, Кассиодор упоминает не только толкования Илария Пиктавийского, Амвросия Медиоланского, Иеронима и Августина, но и свой собственный труд: «И я по щедрости Господней кое-что написал об этой [книге псалмов], работая как обычно, от зари до зари, так что воистину исполнилось во мне то, что сказано у мантуанского поэта: “как гусь гогочу посреди лебединого пенья”» (*Cass. Inst. I, 4, 2*).

Отдельно Кассиодор дает в «Наставлениях» характеристику церковным писателям, прославившимся не только экзегетическими, но и нравоучительными, полемическими и пр. трудами. Так, он счел необходимым, чтобы

монахи имели знания по церковной и всемирной истории, а также по географии мест, упомянутых в исторических сочинениях (*Cass. Inst. I, 17; I, 25*). При этом в библиотеке помимо христианских трудов нашлось место книгам Иосифа Флавия, которого он называет вторым Титом Ливием, а также книгам Птолемея, чтение которых помогло бы монахам, призванным оставаться на одном месте, «обозреть душой то, что другие с большим трудом собрали в своих путешествиях» (*Cass. Inst. I, 25, 2*). Общий подсчет упомянутых Кассиодором церковных авторов позволяет заключить, что библиотека содержала более ста сочинений, принадлежащих, по меньшей мере, двадцати пяти церковным авторам, включая труды таких греческих писателей, как Ориген, Евсевий Памфил, Афанасий Александрийский, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Дидим и др.

Немаловажным представляется наличие в библиотеке трудов тех церковных авторов, чьи воззрения могли смутить православного читателя. Среди таких авторов особенно выделяется Ориген Александрийский, чьи гомилии на Восьмикнижие были представлены в библиотеке Вивария в переводе Иеронима Стридонского (*Cass. Inst. I, 1, 8*). Кассиодор прекрасно знал, что Ориген многими Отцами признается еретиком, а взгляды его подвергнуты критике как папой Вигилием, так и Феофилом Александрийским, Епифанием Кипрским, и тем не менее оставляет его труд в монастыре и, ссылаясь на авторитет Иеронима, говорит о важности для православного христианина некоторых идей великого александрийца. В то же время, чувствуя на себе ответственность за души насельников Вивария, Кассиодор в трудах Оригена специально «отмечал места, которые написаны им вопреки здравому смыслу и установлениям Отцов, чтобы не смог впасть в заблуждение тот, кто посредством такой пометы увидит, где следует остерегаться превратных суждений» (*Cass. Inst. I, 1, 8*). Также среди толкований на Священное Писание в библиотеке была работа донатиста Тикония об «Апокалипсисе». И вновь Кассиодор стремится показать, что далеко не все, сказанное еретиком, следует отвергать: «я в нужных, как мне кажется, местах (насколько я смог, просмотрев, отыскать) сделал пометку “полезные” (*chresimon*) к сказанному верно и “неприемлемые” (*achriston*) к сказанному дурно. Мы призываем так же и вас поступать в отношении подозрительных толкований, чтобы душа читающего не оказалась случайно приведена в замешательство из-за примеси нечестивого учения» (*Cass. Inst. I, 9, 3*). Наконец, являясь последовательным приверженцем Августина, Кассиодор не отказывает монахам в чтении трудов Иоанна Кассиана Римлянина, который разошелся с гиппонским Отцом в толковании вопроса о свободной воле и благодати Божией; более того, он призывает братию обязательно обратиться к Иоанну, как к автору наставлений для монахов (*Cass. Inst. I, 29, 2*).

Однако отношение к сочинениям, зараженным еретическим ядом, у Кассиодора все-таки разнится в зависимости от того, насколько сильная угроза исходит от того или иного еретического сочинения. Если тексты Оригена (в переводе) и преп. Иоанна Кассиана он оставляет монахам, сопровождая их пометами, то книгу толкований на тринадцать посланий ап. Павла, которая была неверно подписана именем папы Геласия, а на деле оказалась пропитана пелагианской ересью, Кассиодор попросту переделывает: «... чтобы еретическое заблуждение прогнать от вас прочь, я очистил, с какой только мог заботливостью, [толкование на] первое послание к римлянам, остальные... я оставил вам, чтобы исправлять их» (*Cass. Inst. I, 8, 1*). По всей видимости, в VI в.

угроза со стороны суждений Пелагия о свободной воле чувствовалась гораздо острее, чем со стороны оригеновских идей о всеобщем спасении или со стороны взглядов Иоанна Кассиана на роль благодати.

Любопытно, насколько библиотека Кассиодора была ориентирована на актуальные для монахов VI в. вопросы. Очевидно, что формирование основ христианского знания строилось на постижении глубинных смыслов Писания, отчего необходимым виделось знакомство монаха с различными подходами к истолкованию той или иной книги Библии, или ее части (как, например, рассказа о шести днях Творения). Для этого знакомства, как мы увидели, Кассиодор не страшится рекомендовать читателям даже «сомнительных» и откровенно опасных авторов. При этом он совершенно не упоминает целый ряд латинских авторов II—IV столетий, чистота суждений которых либо никогда не ставилась под сомнение, либо в литературном наследии которых были как произведения, написанные в период уклонения их авторов в ересь, так и произведения авторитетные и безопасные. Речь идет в первую очередь об апологетах. По всей видимости, Кассиодор уже ничего не слышал о Лактанция [7, р. 204], хотя свой труд (*Institutiones divinarum et saecularium litterarum*) называет по аналогии с сочинением этого знаменитого апологета нач. IV в. (*Institutiones divinae*). Нет среди книг библиотеки и трудов известных ересиологов Иринея Лионского и Тертуллиана. По всей видимости, полемика с язычеством к VI в. перешла на иной уровень и велась посредством сравнительно простых проповедей, что не требовало обращения к богатой риторической традиции, связанной с именами Лактанция и Арнобия. Не удивительно поэтому, что Кассиодор полемический труд Орозия, главной целью которого было обличение языческих времен, характеризует совершенно нейтрально, поясняя, что в нем сопоставляются языческие и христианские времена (*Cass. Inst. I, 17, 1*). Также и борьба с лжеименным гносисом стала частью уже пройденного Церковью пути, поэтому даже такой наставленный в христианской литературе человек, как Кассиодор, мог ничего не слышать о книгах против ересей Иринея или против Маркиона Тертуллиана.

На фоне «забвения» многих ранних церковных авторов, что в большей степени характеризовало не столько сознательную позицию Кассиодора, сколько саму эпоху, поставившую перед представителями интеллектуальных кругов новые вопросы, отчего значительный пласт христианской литературы оказался к VI в. утрачен, важным становится обращение Кассиодора к современным ему авторам. Это обращение, порой служившее данью дружеским отношениям, демонстрирует среди прочего осознание Кассиодором непрерывности в деятельности Церкви по утверждению и распространению истинной веры; эта общность усилий церковных авторов позволяет поставить в один ряд и обладающих безусловным авторитетом Амвросия и Августина, и мало кому известного Беллатора или более знаменитого (хотя и не уровня Августина или Иеронима) Дионисия Малого. Выбор современных авторов для того, чтобы рекомендовать их труды читателям, традиционно сложен и часто случаен. На этот выбор могут влиять самые разные обстоятельства. Так, Дионисий Малый заслуживает у Кассиодора не только упоминания, но и получает пространную, полную хвалы, характеристику во многом из-за личного знакомства. И именно Кассиодору мы знаем важнейшие подробности жизни Дионисия, о преподавании им диалектики, о его переводческой деятельности и др. (*Cass. Inst. I, 23, 2–4*). Также личное знакомство с Кассиодором обеспечило пресвитеру Евгиппию место для его книг в библиотеке

Вивария. Как признает сам Кассиодор, Евгиппий, «сделав для нашей родственницы Пробы, святой девы, выдержки из трудов святого Августина, [содержащие] рассуждения по весьма сложным вопросам, различные высказывания и выводы, собрал их в одном томе, разделив их на необходимые части, и уложил в 338 главы. Прочсть этот кодекс, я думаю, весьма полезно, поскольку исполненный усердия муж смог собрать в одном томе то, что едва ли удастся найти даже в крупной библиотеке» (*Cass. Inst. I, 23, 1*).

Также в библиотеке были представлены труды еще одного друга Кассиодора — Беллатора, который выступил не только в роли переводчика, но и автора толкований на книгу Руфь (*Cass. Inst. I, 1, 9*), а также на книгу Товита, Есфирь, Юдифь, Макковеев (*Cass. Inst. I, 6, 4*). Насколько можно судить, идеи этого современника Кассиодора оказались не востребованы Церковью и до сего дня не дошли. На этом фоне удивительно, что Боэций, чьи труды вошли в сокровищницу философской мысли христианского Средневековья, представлен в перечне Кассиодора, а значит и в библиотеке, исключительно как толкователь на аристотелевские книги, переведенные Марием Викторином (*Cass. Inst. II, 3, 18*).

Кассиодор, прежде всего благодаря Виварию, традиционно признается исследователями в качестве одного из создателей новой, средневековой цивилизации на мощном фундаменте античной культуры [4, р. 336—338; 5, р. 51; 6, р. 433—442; 7, р. 177]. Библиотека, содержание которой может быть хотя бы отчасти восстановлено на основе «Наставлениями» Кассиодора, поражает не только значительным для раннего Средневековья количеством книг, но прежде всего наличием в ней большого числа книг нехристианских авторов. Важно, что Кассиодор связывает эти книги с той или иной стороной монашеского служения.

Отдельную главу своих «Наставлений» Кассиодор посвящает книгам по медицине, подчеркивая при этом, что важнейшей составляющей монашеского служения является странноприимство и забота о здоровье ближнего (*Cass. Inst. I, 31, 1*). Для того, чтобы монахи Вивария достойным образом несли это служение, он оставляет в библиотеке книги Гиппократ и Галена, переведенные на латинский язык, «Гербарий» Диоскорида, «О медицине» Целия Аврелия (*Cass. Inst. I, 31, 2*). Также Кассиодор говорит о сочинении Гаргилия Марциала «О садах», в котором можно было найти немало советов, следование которым способно укрепить телесное здоровье (*Cass. Inst. I, 28, 6*). Кроме этого, Кассиодор сознает, что Виварий мог принять в себя насельников, далеких от тонкостей теологических вопросов, поэтому предлагает для них книги, посвященные не только садоводству, но и возделыванию полей, разведению пчел, голубей и рыб. Таким образом, среди книг библиотеки можно было встретить одноименные трактаты «О сельском хозяйстве» (*De re rustica*) римских авторов Луция Колумеллы и Рутилия Тавра Эмилиана Палладия (*Cass. Inst. I, 28, 6*).

Однако главный акцент Кассиодором сделан на интеллектуальном труде монахов, что вполне очевидно для монастыря, задуманного в качестве образовательного центра. Мы знаем, что заботой Кассиодора и, соответственно, монастырской братии было чтение, копирование и исправление книг.

Кассиодор является, пожалуй, первым создателем библиотеки, о котором известно, что он постарался максимально облегчить работу читателя с книгой, снабдив кодексы с трудами церковных писателей специальными пометами. При чем речь идет не только об уже упомянутых предостережениях

по поводу опасных суждений Оригена или Тикония, что, впрочем, также является важными маргиналиями в монастырских книгах, но о пометах, облегчающих чтение Отцов. Кассиодор не без гордости за себя пишет, что приготовил братии «подарочек» (*munusculum*) в виде помет, сделанных красными чернилами, указав в начале кодексов с толкованиями Отцов, используя при этом сокращения, где содержатся толкования на тот или иной раздел Писания: «мы сделали следующие пометы к толкованиям: на Восьмикнижие (*Octateuchi*) — OCT; другую — REG — на [Книги] Царств (*Regnum*); третью — PSL — на Псалтирь (*Psalterii*); четвертую — SAL — на Соломона (*Salomonis*); пятую — PROP — на Пророков (*Prophetarum*); шестую — AGI — на Агиографов (*Agiographorum*); седьмую — EV — на Евангелия (*Evangeliorum*); восьмую — AP — на Послания апостолов (*Epistulis Apostolorum*); девятую — AAA — на Деяния апостолов и Апокалипсис (*Actibus Apostolorum et Apocalypsi*). Я всегда надписывал их в начале кодексов, которые я смог специально просмотреть, чтобы вы могли точно знать, какие находятся в них тексты, даже если пытливым умом будете спешно просматривать отдельные страницы» (*Cass. Inst. I, 26, 1*).

Все эти пометы, по мнению Кассиодора, должны были не только помочь чтению, но и помочь в подготовке новых толкований Писания: «После этого... вам легче будет подражать самым надежным толкователям; и случится так, что из этого родится новый вид истолкования, самый что ни на есть яркий и изящный, и то, что наши предшественники, возможно, едва ли смогли разъяснить в комментариях своих, там в известной мере будет раскрыто» (*Cass. Inst. I, 26, 2*). Виварий явно задумался Кассиодором как центр теологической мысли, в котором бы происходило обобщение уже накопленного опыта и на основе этого рождение новых идей.

Если идея Кассиодора сделать монастырь богословским учреждением вряд ли могла найти широкий отклик в западноевропейском обществе VI в., то практика переписывания и исправления книг, которую утверждал Кассиодор, стала необходимым элементом жизни средневековых монастырей. Однако в организации копирования и исправления книг мало было полагаться на уже имеющийся образовательный уровень приходящих в обитель монахов, нужно было создать условия для обучения мало просвещенных и для углубления знаний насельников, уже имевших образование. Создавая учебный центр, Кассиодор позаботился дать монахам необходимые рекомендации по изучению семи свободных искусств, привнеся, таким образом, основы римской школы в монастырь и в христианскую педагогику [2, с. 114—124]. Это также потребовало привлечения книг, способных выступить в качестве своеобразных учебников по грамматике, риторике, диалектике, музыке, арифметике, геометрии и астрономии.

К VI в., конечно, уже были предприняты попытки со стороны самих христиан выступить наставниками в тех или иных свободных искусствах. Сам Кассиодор вспоминает, что Августин написал небольшое сочинение по грамматике, которое хранилось в библиотеке. Также и другой труд Августина «О христианской науке» мог быть прекрасным подспорьем при изучении риторики. Важное место в учебном процессе также должны были занять книги Марии Викторина, в том числе «Объяснение *Риторике* Цицерона». Однако предпочтение отдавалось прежде всего тем авторам, на основе чьих книг сам Кассиодор и его многочисленные современники постигали когда-то базовые для того времени науки. Экскурс в грамматику во второй книге «Наставлений»

Кассиодор строит на «Искусстве грамматики» Доната (*Cass. Inst.* II, 1, 1), небольшой раздел о риторике ориентирован преимущественно на Цицерона и Квинтиллиана; о диалектике — на Аристотеля и Порфирия; об арифметике — на Пифагора; о музыке — на Эвклида, Птолемея, Цензорина; о геометрии — на тех же Цензорина и Эвклида; наконец, об астрономии — на Варрона и Птолемея [3, с. 129—130].

Впрочем, привлечение в качестве учебников трудов Доната по грамматике или сочинений Цицерона и Квинтиллиана по риторике вряд ли грозило опасностью заразить монахов «языческим заблуждением». Довольно сухой материал справочного характера, составляющий значительный объем учебников по грамматике или риторике вряд ли мог нанести какой-то урон монашескому благочестию. В то же время эти тексты давали необходимые для христианина сведения о нормативной стороне латинского языка и, в конечном счете, позволяли через чтение уже Писания и святоотеческой литературы непросвещенному читателю начать свой путь к истине.

Если попытаться соотнести между собой так называемую светскую и святоотеческую литературу в библиотеке Вивария, то пусть и было очевидным превосходство церковной литературы, тем не менее представительство языческих авторов поразительно для монастыря. Кассиодор упоминает более 25 нехристианских авторов, чьи книги хранились в Виварии. При этом надо учитывать, что некоторые писатели были представлены не одним произведением. Например, в библиотеке было три сочинения Аристотеля, два — Цензорина.

Исправление и переписывание книг требовало от монахов не только общей школьной (или внешкольной) подготовки, но и специальных навыков. Так, Кассиодор предлагает монахам не забывать правил каллиграфов (*regulae atrigraphorum*) и читать книги знатоков орфографии (*Cass. Inst.* I, 15, 9–10). Однако главное содержание его советов переписчикам сводится к предостережениям от необдуманного приложения к Священному Писанию (в версии Вульгаты) правил латинской грамматики. Кассиодор намеренно дает пояснения о своеобразии библейского языка, особо говорит об идиомах, которые встречаются в псалмах, но противоречат правилам речи (*Cass. Inst.* I, 15, 2). Так, он приводит примеры: «слабы очи мои для слова Твоего» (Пс. 118:82), «к Тебе прилепилась душа моя» (Пс. 62:9), «изливайте пред Ним сердце ваше» (Пс. 61:9). Особо он говорит, обращаясь к переписчикам, что «не следует изменять те слова, которые, хотя порой и кажутся написанными вопреки человеческому искусству [грамматики], но защищены авторитетом многочисленных кодексов» (*Cass. Inst.* I, 15, 5). Кассиодор также замечает, что в Писании существительные или местоимения порой получают падеж или число, а глаголы — времена и наклонения вопреки грамматической норме. Так он вспоминает фразу из Псалтири: «блажен народ, у которого Господь есть Бог их» (Пс. 143:15), — в которой одно и то же существительное «народ», стоящее в единственном числе, выражено местоимениями, которые стоят в единственном числе («у которого») и во множественном («их») (*Cass. Inst.* I, 15, 6). Увещевая своих читателей, Кассиодор пишет: «Эти и им подобные [выражения], которых, как нам известно, весьма много, хотя они не встречаются в обычной речи, не следует исправлять, поскольку они, без сомнения, внушены святой властью» (*Cass. Inst.* I, 15, 2). Более того, чтобы кто из переписчиков не решился вдруг внести ненужные правки в священный текст,

среди особых помет, которыми Кассиодор снабдил кодексы, был и значок PP, которым обозначились идиомы Священного Писания (*Cass. Inst. I, 26, 2*).

Сохранение особенностей языка Писания важным было не только потому, что само Писание имеет небесное происхождение и потому не подчиняется грамматическим правилам, имеющим человеческое происхождение (*Cass. Inst. I, 15, 5*), но и потому, что имена, встречающиеся в Библии, содержат некую тайну, которую еще следует истолковать. Кассиодор, конечно, знал труд Иеронима по истолкованию еврейских имен и надеялся, что сокровенный смысл многих библейских имен и фраз еще будет раскрыт (*Cass. Inst. I, 15, 4*), а потому призывал переписчиков оставлять для пытливых умов библейские имена в исходной форме.

Подводя итог этому небольшому исследованию, следует сказать о значении библиотеки Вивария, которое трудно переоценить. Она представляла собой, пожалуй, крупнейшее книжное собрание на Западе поздней Античности, а многие книги из ее фондов со временем разошлись по Европе. Опыт же Кассиодора по составлению библиотеки указывает на потребность сформировать особый круг книг, состоящий прежде всего из святоотеческих сочинений, призванных стать основой для упрочения веры и формирования объема знаний, необходимого для воина Христова. Однако не менее важным было то, что в рамках библиотеки формировалось особое отношение к книге, отношение, предполагавшее поиск здравого зерна не только в святоотеческой, но и в языческой и даже еретической литературе; сама работа с книгой призвана была учить монахов отличать правду от заблуждения, полезное от опасного.

Список литературы

1. *Сидоров А. И.* Историческая книга во времена Каролингов в контексте книжной культуры франков (VIII—X вв.). СПб. : Гуманитарная академия, 2015. 320 с.
2. *Тюленев В. М.* Традиции римской школы и Виварий Кассиодора // Интеллигенция и мир. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2017. № 2. С. 114—124.
3. *Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья. М. : Наука, 1989. 320 с.
4. *Courcelle P.* Late Latin Writers and their Greek Sources. Cambridge : Harvard University Press, 1969. 488 p.
5. *Dales R. C.* The Intellectual Life of Western Europe in the Middle Ages. Leiden : Brill, 1992. 332 p.
6. *Jones L. W.* Influence of Cassiodorus on Medieval Culture // *Speculum*. Vol. 20. 1945. P. 433—442.
7. *O'Donnell J. J.* Cassiodorus. Berkeley : University of California Press, 1979. 303 p.
8. *Richü P.* Education and Culture in the Barbarian West. Columbia : University of South Carolina Press, 1976. 557 p.
9. *Vukoviж M.* The Library of Vivarium: Cassiodorus and the Classics. Budapest : Central European University, 2007. 86 p.